

Лекция 7. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ В XVII В.

XVII в. знаменуется, с одной стороны, важнейшими экономическими и политическими изменениями, а с другой – появлением новой философии и науки, вселившей веру в ее безграничные возможности⁵⁰. Все это оказало огромное влияние на развитие общественно-политической (и в меньшей степени исторической) мысли.

Рационализм в подходах и научные парадигмы века. Философия и наука XVII в. основывались на рационализме, то есть на принципах, что мир познаваем, что любое знание не должно приниматься на веру, а должно быть проверено разумом и логикой. Рационалистические взгляды стали преобладать и во взглядах на проблемы развития общества и государства. Общественные мыслители XVII в., с одной стороны, не имели еще достаточной исторической базы, чтобы строить свои выводы на ней, а с другой – находились под впечатлением успехов физики. Это привело к распространению натурфилософских взглядов на общество и его историю. Вполне естественно, что стала популярной идея уподобления общества механизму. Вот почему в ряде социальных теорий важное место занимали идеи так называемой «социальной физики», «социальной механики», «социальной геометрии» и т. п.

---

⁵⁰ Появились и новые формы организации науки, в том числе Академии наук. Уже с начала XVII в. большое распространение получили ученые сообщества, не связанные ни с какими сословными интересами и не признававшие никаких социальных перегородок. Университетские ученые алхимики, астрономы, инженеры, архитекторы, врачи сотрудничали с чиновниками и ремесленниками в целях приумножения знаний. Идея ученого сообщества возникла не только из потребности в защите от посягательств со стороны светских и церковных властей, но также из стремления к совместному поиску истины и исправлению общества посредством науки (см.: Балакин, В. Д. Ученое сообщество в Германии начала XVII века // Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения / отв. ред. Л. С. Чиколина. – М.: Наука, 1988. – С. 221–222).

Такой подход перенесения принципов механики на изучение общества получил позже название *механицизма*⁵¹. Логику философии социального механицизма упрощенно можно представить следующим образом: 1) законы общества в целом считаются подобными законам природы, особенно физики (мысль, принципиально сходная с античным подходом); 2) общество рассматривалось как простая сумма равновеликих единиц-индивидов; 3) основными силами, действующими в обществе, считалась совокупность форм волеизъявлений людей, которые иногда именовали «страстями»⁵²; 4) как и в механике, эти силы действуют лишь в двух направлениях – притяжения и отталкивания; 5) таким образом, свойства индивида имеет смысл взять в качестве первичных аксиом, из которых далее можно рационалистическим путем вывести законы⁵³; 6) а поскольку это будут универсальные законы, они позволят дать теорию общества; 7) если удастся понять законы общества, значит, можно будет перестроить его в соответствии с тем, что говорит теория о его наилучших формах⁵⁴. Понимая эту логику, гораздо легче понять и основные идеи социальных философов не только XVII в., но и следующего, XVIII в.

Политические теории XVII в. В XVII в. в европейских странах сложились централизованные государства, обозначились контуры той политической карты Европы, которая затем утвердилась на длительное время, и соответственно возросло значение международного права. Это был век революций и социальной борьбы,

---

⁵¹ Исходили из идеи: если универсальные законы естествознания позволяют правильно объяснить и успешно предсказать явления и процессы природы, то почему нельзя найти аналогичные закономерности в истории? А представления об универсуме, упрощенно говоря, были как о гигантском механизме, приводимом в движение сложной системой «пружин и балансиров».

⁵² Страсти (то есть желания, стремления, чувства и т. п.) людей клали в основу движущих сил развития общества и его законов философы последующих веков, в частности эти идеи были одними из главных в философии Ш. Фурье.

⁵³ Однако стоит вспомнить, что подобные механистические подходы – на более высоком уровне науки – были очень распространены в конце XIX – начале и даже первой половине XX в. в социологии, когда социологи пытались найти «клеточку» общества, минимальное отношение в обществе и т. п., исходя из которого можно было бы открыть социологические законы, а с помощью последних удалось бы понять общество. Дискуссии о том, что является «клеточкой» общества, были характерны и для советской философии, причем еще в 1970-е и 1980-е гг. (см. анализ этих взглядов: Гринин, Л. Е. Формации и цивилизации. Раздел второй. Социология истории // Философия и общество. – 1997. – № 3. – С. 5–92).

⁵⁴ Разумность человеческой природы означала не только включенность человека в природу, его способность познать ее, но и способность регулировать свою и в конечном счете общественную жизнь сообразно требованиям «естественных законов» (Барг 1987: 308).

которые потрясали государства. Поэтому общественная мысль была прикована к проблеме правильного устройства государства, сохранения в нем порядка, обеспечения нужного баланса интересов между государством и его подданными. Подобно гуманистам XVI в., политические мыслители XVII в. ставили вопрос о наилучшем устройстве общества, но при этом в целом придавали большее значение, чем их предшественники, политическим и особенно правовым институтам⁵⁵. Вот почему в XVII в. резко усилился интерес к природе государства и его правительства, его взаимоотношению с гражданами⁵⁶. Соответственно были подняты и вопросы о происхождении и эволюции государства и различных учреждений, и появились новые учения о государстве и праве.

На формирование политических теорий XVII в. сильно повлияло бурное развитие науки права в Европе, в том числе и в связи с развитием права собственности, технологии принятия законов⁵⁷, а также с усложнением международно-правовых и дипломатических отношений. Вот почему в основе многих теорий о государстве этого и последующего века лежит идея общественного *договора*⁵⁸.

Голландский правовед Г. Гроций (1583–1645) в своем знаменитом сочинении «О праве войны и мира» (1625) развил идею о том, что государство возникло на основе общественного договора между людьми в силу заложенного в них природой стремления жить в разумно организованном обществе⁵⁹. В этой же книге он разработал принципы государственного суверенитета и международного права, часть которых в будущем была положена в основу европейской международной (так называемой Вестфальской) системы. Но наиболее известная теория государства принадлежит английскому философу Т. Гоббсу (1588–1679). В 1651 г., осмыслив тяжелый

---

⁵⁵ Разумеется, имели место также утопические и уравнилельные идеи, особенно в связи с английской революцией, но их роль в общей палитре взглядов была меньше, чем век назад.

⁵⁶ Т. Гоббс считал, что преподавать гражданам учение о государстве необходимо для поддержания мира. Идея, вовсе не лишенная общественной разумности и сегодня.

⁵⁷ Довольно сложной, как в Англии с ее парламентом, так и во Франции с ее системой судебных (парламентских) процедур.

⁵⁸ При этом юриспруденция со времен Юстиниана представляла как наука вполне строгая и рациональная. Формы ее выражения и рассуждения (равно как и формы изложения философских идей) часто принимались за образец и для других общественных наук.

⁵⁹ Эта идея выдвигалась, как мы видели в лекции 2, и некоторыми древними авторами, например Лукрецием Каром.

опыт ожесточения революции и гражданской войны в Англии, он опубликовал книгу «Леваифан, или Материя, теория и власть государства церковного и гражданского», в которой представлял государство в образе библейского чудовища Леваифана. Отдавая дань механицизму, Т. Гоббс утверждал, что государство является «искусственным составным телом», а граждане – лишь частицы этого огромного «искусственного тела». Формулировка Гоббса о том, что до государства в обществе царила «война всех против всех», стала знаменитой. Общественный и исторический опыт братоубийственных войн в государстве привел Гоббса к заключению, что государство возникло в результате общественного договора с целью положить конец существовавшей до того разобщенности и вражде между людьми, оно призвано поддерживать мир и безопасность граждан. Гоббс фактически исходил из того, что «худой мир лучше доброй ссоры» и «из двух зол выбирают меньшее», поэтому утверждал, что граждане обязаны беспрекословно подчиняться воле государства, а оно в свою очередь обязано заботиться о благе народа⁶⁰.

Более взвешенную теорию взаимоотношения государства и общества (индивида) создал английский философ Джон Локк (1632–1704), который осуждал английскую революцию 1640–1660-х гг. как безумие (тут он был солидарен с Гоббсом), но всячески приветствовал так называемую «славную революцию» 1688 г., в результате которой в Англии бескровно был свергнут тиран Яков II и установлена конституционная монархия с достаточно сбалансированным разделением власти. Переживший опыт Реставрации Стюартов в Англии, их свержения и возникновения конституционной монархии, Локк пришел к выводу, что государственная власть обязана охранять такие «естественные права» людей, как их личная свобода и частная собственность, а если она не выполняет этих обязанностей, то народ вправе свергнуть ее и создать новое правительство. Несмотря на ограниченность вышеуказанных теорий о государстве,

---

⁶⁰ Под влиянием идей Г. Гроция и Т. Гоббса формируется и теория о государстве немецкого международного правоведа, историка и философа С. Пуфендорфа (1632–1694), который считал, что в основе возникновения государства лежат два договора: первый – между людьми об объединении и выборе формы правления, второй – между людьми и избранным ими правителем об обязанности подданных подчиняться власти и обязанности правителя заботиться о подданных в целях их пользы и безопасности.

они были важным шагом на пути формирования исторического взгляда на формирование важнейших институтов общества⁶¹.

Общественные законы и теория истории. Представление, что законы общества в принципе соответствуют законам механики при его неадекватности, тем не менее поставило перед политической и социальной философией новую очень крупную задачу: открыть общие законы, по которым протекает развитие общества. Само по себе представление о том, что общество функционирует по универсальным законам, что история – это не только рассказ о великих деяниях, а реализация этих законов, было весьма новым словом. И это закладывало возможность появления философии истории (которая и родилась в следующем веке). Фактически эта проблема стала одной из важнейших для философии и теории истории на следующие три века. Примитивизм механицизма вполне очевиден, поскольку общество не есть механический агрегат его членов, а является очень сложной системой, которая по своим свойствам далеко превосходит простую сумму ее составных частей, а границы изменения обществ во многом предопределены уровнем их развития и историческими особенностями. Однако более соответствующий реальности органический взгляд на общество как на достаточно слаженный организм, все части и функции которого пригнаны друг к другу, появится еще не скоро. Но у механицизма есть и заслуги: он был вполне прагматическим (= рационалистическим) подходом к исследованию общества. В чем рационалистам виделась основа законов общества? В неизменной природе человека⁶². Если удастся открыть естественные законы неизменной человеческой природы, то станут понятны и законы общества, а тогда общество можно перестроить согласно разумным критериям, соответствующим человеческой природе⁶³. Тема естественных законов чело-

---

⁶¹ К слову сказать, проблема происхождения государства и сегодня остается крайне дискуссионной, существуют многие сотни различных дефиниций государства, несовпадающих между собой (см. подробнее: Гринин, Л. Е. Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. – М.: КомКнига, 2010. – Гл. 1).

⁶² Как и в отношении многих других идей Нового времени, их неразвитые аналоги можно найти в античности, в частности на предположении о неизменной природе людей строил свои рассуждения Фукидид.

⁶³ Таким образом, рационалисты строят принципы «социальной инженерии» уже не просто на представлениях о справедливости, но пытаются подвести под свои теории научную базу естественных законов.

веческой природы будет оставаться одной из ведущих не только в этом веке, но и в философии истории следующего XVIII в. В процессе ее исследования появился целый ряд крупных теорий.

Научные и философские парадигмы XVII в. были не только механистическими, но и часто деистскими. Иными словами, наука могла многое объяснить с помощью открытых законов, но для объяснения источника движения вынуждена была прибегать к идее божественного первотолчка. Философия могла строить рационалистические схемы, но они далеко не всегда «работали» без идеи существования Бога. Вот почему появлялись рационалистические концепции общественного развития, которые способствовали преодолению взгляда на исторический процесс как на осуществление божественных предначертаний, но еще во многом были связаны с предшествующими историческими концепциями. Для объяснения вечных неизменных законов природы и общества Бог еще был нужен, но для объяснения, как эти законы «работают», можно было вполне обойтись без теизма. *Впрочем, наука и религия в Новое время нередко шли рука об руку.* Например, в XVII в. работу вышеупомянутого (в лекции 6) хронолога XVI в. И. Ю. Скалигера по исследованию различных календарных систем и приведению их к общему основанию в главном завершил выдающийся хронолог Дионисий Петавиус (Петавий) (1583–1652). Но стоит отметить, что Петавий были католическим ученым-богословом (а Скалигер – убежденным протестантом-гугенотом).

Теории естественного права и движущие силы истории.

Идея естественного права, то есть права, проистекающего из неизменной природы людей и природных законов общества, активно использовалась для выведения принципов взаимоотношения между государством и индивидом, а также между государствами. Поиск естественных законов вел к продолжению процесса секуляризации истории. Поэтому неизбежно возникал вопрос о ее движущих силах, и такие факторы нужно было искать в образе жизни людей, их стремлениях, действиях, а также в общественных институтах. Понятно, что важной движущей силой в рамках механицизма выступали человеческие воли (страсти), которые в своих столкновениях вели к тем или иным изменениям, что соответственно при логическом развитии вело к признанию большой роли личности в исто-

рии. Но этой теме в XVII в. уделяли мало внимания, зато она стала важной в следующем, XVIII в. Были высказаны идеи и о других движущих силах. Т. Гоббс, Дж. Локк, а также Б. Спиноза и др., подобно Ф. Бэкону, считали науку орудием прогресса, но в отличие от Бэкона они большее внимание уделяли таким факторам развития общества, как политика, мораль, воспитание, искусства в широком смысле слова, а также развитие техники.

Таким образом, мы можем суммировать некоторые достижения и слабости общественно-политической и исторической мысли XVII в.

Достижения общественной мысли XVII в.:

1) Переход к «научному» исследованию общества с позиции открытия фундаментальных *научных* законов его функционирования, идея универсальности законов общества и человеческой природы.

2) Продвижение в области теории истории, включая формулирование новых, нетеологических движущих сил истории; идей направленного развития истории, хотя еще нечетко выраженных; углубление представлений о периодизации истории.

3) Разработка новых теорий происхождения государства и права, разработка исторического взгляда на формирование важнейших институтов общества (см. выше).

4) Попытки использования общественной науки для реформирования общества. Впервые общественная мысль стала всерьез ставить вопрос рационального, основанного на научных подходах переустройства (реформирования) общества⁶⁴.

5) Создание предпосылок философии истории, поскольку проблематика, методология и философские теории XVII в. были активно разработаны и развиты в эпоху Просвещения и были основой для создания философии истории.

Слабости общественной мысли XVII в.:

1) Неумение увидеть коренные различия в исследовании природы и общества.

---

⁶⁴ Отметим, что в области международного права, выработки форм конституции, формулирования государственной политики, в частности меркантилизма, и некоторых других общественная наука оказалась в некоторой мере вполне успешно примененной на практике. Попутно отметим, что идеи предшествующего века, в частности утопического социализма, не были основаны на научном (пусть и примитивном) подходе.

2) Использование для исследования общества и его законов неадекватной и неэффективной теории механицизма, представление общества не системой, а механической суммой индивидов, что давало основание предполагать, что с обществом можно делать все, что кажется рациональным (а не только то, что позволяет уровень его развития и его особенности).

3) Неверность идей о так называемой человеческой природе. Непонимание ее историчности, вариативности и изменчивости в зависимости от исторического периода и общества.

4) Пренебрежение историей и поисками точных фактов. Действительно, при убеждении, что вечные и неизменные законы общества можно было вывести с помощью дедукции и рациональных посылок, стоило ли возиться с архивами, документами и т. п.? С другой стороны, рационалисты видели, что современная им история в большинстве своем представляет набор ничем не проверенных рассказов, нередко просто баснословных преданий. Поэтому понятно их пренебрежение (вплоть до отвращения, как, например, у Т. Гоббса) такой историей.

Эти слабости привели к довольно интересным последствиям, изложенным в следующем разделе.

Пути развития историографии и теоретической мысли об обществе и истории расходятся. До тех пор, пока история рассматривалась как особый вид литературы назидательного или развлекательного плана, пока строгому доказательству исторического факта и методике этого доказательства не придавали должного значения, история и теория (теология) истории были в целом единой областью. Косвенно это подтверждается уже тем, что только в сравнительно редких случаях люди, рассуждавшие на исторические темы, не писали сами историю (одним из любопытных примеров такого рода является Лукиан, написавший трактат «Как писать историю»). Трещина между чистой историей и теорией возникла с периода раннего Возрождения, когда появилось движение антикваров, сосредоточивших свое внимание и острый ум на документах и предметах старины. Именно эти энтузиасты закладывают основы различных вспомогательных дисциплин и научных методов крити-

ческого анализа исторических источников. В XVII в. окончательно обозначились два взгляда и источника развития знаний об обществе. Первый – общественно-политическая механистическая натур-философия, которая создавала теории, мало прибегая к опоре на выверенные исторические знания⁶⁵; второй – историографы-археографы и эрудиты-антиквары, которые возились в архивах с документами, материальными предметами старины и работали над систематизацией новых знаний. В то же время продолжается развитие традиционной истории – истории, направленной на поучение читателя и его развитие, но далекой от истинной фактологической истории.

Между двумя новыми направлениями (условно назовем их философским и архивным) существовал определенный антагонизм, который продолжал нарастать в последующие века⁶⁶. Мыслители XVII в. редко цитируют источники, подчас сознательно не упоминают невыгодные им данные, а то и дополняют изложение своими домыслами. Философы и юристы XVII в. с презрением смотрели на это накопление материала, который им представлялся весьма сомнительным, заключающим в себе факты, не связанные между собой общей мыслью, общим законом. Конкретная история для этих мыслителей нередко представлялась бессмысленной путаницей, в которой сложно отличить правду от лжи и вовсе немислимо

---

⁶⁵ Поскольку кроме дедуктивных методов существовали еще и методы индукции (выводов на основе наблюдаемых фактов), а в физике и других естественных науках наблюдения начинали базироваться на опытных (эмпирических) методах проверки истины, то к рационализму тесно примыкало и философское направление эмпиризма. Но оно было менее популярным.

⁶⁶ По формулировке Г. А. Антипова, возникло противоречие между историографией в том виде, как она реально развивалась, и теоретико-онтологическими разработками, призванными отразить механизмы исторического процесса. В теории истории, замечает он, можно было идти к выводам и теориям на основе тщательного изучения и отбора фактов (что повышало роль историографии) – и это было сравнительно новым подходом – или на основе философского (спекулятивного) дедуктивного метода, когда выводы делались исходя из неких логических принципов и априорных идей. Такое противоречие стало уже достаточно наглядным в исторической мысли XVII в. и затем все более обострялось (Антипов, Г. А. Историческое прошлое и пути его познания. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 26). Тут стоит добавить, что противоречия между так называемым историческим и логическим методами в философии и теории истории были одной из причин того, что историография в XIX в. полностью отделилась от философии истории, а в XX в. значительная часть историков стала полностью игнорировать любую теорию, утверждая, что им безразлично, есть ли законы в истории или нет.

найти общую ведущую линию. Этому накоплению материала они предпочитали чисто дедуктивные приемы, черпали свои аргументы главным образом из общих соображений рационалистического характера (см.: Косминский 1963: 119, 153–154, 165). Эрудиты и антиквары, благодаря своим ученым занятиям по кусочкам восставливавшие прошлое различных стран и периодов, в то же время, как правило, не задавались трудом сделать из своих накопленных знаний теоретические выводы.

Расширение источниковедческой базы и развитие критических методов анализа в XVII в. были в большой степени связаны с тем, что ученые-историки развернули источниковедческие изыскания в богатейших архивах духовных и светских учреждений и лиц. Началась регулярная обработка, а затем и публикация обширных серий средневековых документов, что сделало их доступными для изучения. В результате распространилась практика цитирования подлинных документов, прежде всего, конечно, в трудах ученых эрудитов. Особую роль в публикациях массы этих документов сыграли общества-публикаторы религиозных орденов бенедиктинцев во Франции и иезуитов в Антверпене (издания, предпринятые *болландистами, мавристами*⁶⁷, *Э. Балюзом* и др.). Они ставили целью собрание документов по истории орденов, религиозных движений, житий святых и т. п. Эта деятельность объективно имела определенное научное значение, потому что способствовала совершенствованию частных методик источниковедческого анализа, так как при этом формировались методы установления подлинности документов, их аутентичности, сверки разных вариантов текстов и т. п. прежде, чем они публиковались. Религиозные эрудиты издавали и руководства по датировке и установлению достоверности рукописей.

Развитие вспомогательных исторических дисциплин. Результатом введения в оборот огромного количества новых текстов явилось развитие таких вспомогательных исторических дисциплин, как дипломатика и палеография, а также появление обширных до-

---

⁶⁷ Первые назывались мавристами, так как в этой деятельности участвовали монахи конгрегации св. Мавра из ордена бенедиктинцев; вторые – болландистами, по имени своего главы Ж. Болланда.

кументальных публикаций, положивших начало археографии⁶⁸. Кроме того, собиратели древностей (антиквары XVI–XVII вв.) заложили основы для введения в оборот изучения неписьменных источников (монет, древних надписей и особенностей писчего материала, печатей и т. п.). Это способствовало созданию базы археологии, хронологии, а также развитию таких вспомогательных исторических дисциплин, как *палеография*, *нумизматика*, *сфрагистика*. В XVII в. активно возникали научные общества и общества антикваров в частности. При этом, по словам Барга (1987: 16), новые методы, в особенности в дипломатике, вторглись в историческое источниковедение XVII в. не менее энергично, чем в естествознание.

Работа в области периодизации истории была в последней четверти XVII в. проделана немецким историком Кристофом Келлером (Х. Целлариусом) (1638–1707). Келлер развил идеи эпохи Возрождения о трех крупных эпохах истории западноевропейской истории древности, Средневековья и Нового времени. В течение 1685–1696 гг. он опубликовал три книги, объединенные названием «Трехчастная история», соответственно посвященные античной, средневековой и новой истории. Заслугой Келлера был переход от общей идеи гуманистов к практическому применению и углублению этого подхода, его систематизации и выработке хронологии периодизации. Его периодизация датировала конец древности кризисом Римской империи IV в. н. э., а Новое время – серединой или концом XV в. Эта периодизация все быстрее начинает заменять популярное в Средние века деление истории на четыре периода по времени существования четырех великих Империй. Она прочно вошла в несколько измененном виде в историческую науку⁶⁹. Од-

---

⁶⁸ См., например: Дьяков, В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. – М.: Мысль, 1974. – С. 21.

⁶⁹ Согласно келлеровскому делению, хронологическим рубежом между древней и средневековой историей стал фактический раздел Римской империи на Западную и Восточную в 324 г. н. э., а рубеж между средневековой и новой историей был приурочен им к падению Византии (Восточной Римской империи) под ударами турок в 1453 г. Впоследствии граница между древностью и Средневековьем была связана с падением Западной Римской империи в 476 г. А за рубеж между средневековой и новой историей было взято открытие Америки

нако эта периодизация, во-первых, недостаточно научна, так как ее истоки лежат в идеях ранних гуманистов о возврате к наследию античности, во-вторых, она полностью европоцентрична⁷⁰, совершенно не учитывает особенности развития восточных стран, поэтому непригодна для истории Востока.

Трансформация теологической философии истории. XVII в., как известно, был временем контрреформации и инквизиции, которая боролась с научными идеями (наиболее известными фактами репрессий являются сожжение Дж. Бруно и вынужденное отречение Галилео Галилея). В то же время это был первый век, когда борьба теологической и антирелигиозной (научной) мысли шла с применением научных достижений с обеих сторон. Наиболее дальновидные церковные идеологи уже не могли не считаться с результатами научных наблюдений и открытий. Вот почему они активно использовали идею первотолчка (см. выше), трактуя ее в том провиденциалистском смысле, что уже «первым толчком» Бог predetermined все дальнейшее развитие мира согласно собственному замыслу. Такая трактовка указанной идеи содержалась, в частности, в книге епископа Ж. Б. Боссюэ (1627–1704) «Рассуждения о всемирной истории», в которой история представлялась в конечном счете осуществлением божественных предначертаний. Рассмотрение ее началось со «священной истории» иудейского народа, затем излагались события древнегреческой и древнеримской истории и, наконец, события западноевропейской средневековой истории до правления Карла Великого. В своих историософских трудах Бос-

---

Колумбом в 1492 г. Современная историческая наука, как известно, вводит еще четвертый период – новейшей истории.

⁷⁰ Особенно европоцентричной, по мнению В. П. Илюшечкина (1996), она стала, когда в трехчленное деление западноевропейской истории ученые стали вкладывать иное содержание и идею прогрессивного развития общества, а самому этому делению был придан глобальный характер, что сделало его европоцентристским. Он указывает, что европоцентризм, зародившийся уже в концепции ранних гуманистов, в этот период находит свое развитие в трудах как рационалистски настроенных исследователей, так и религиозных историков, например в книге Ж. Б. Боссюэ. Такому подходу в немалой степени способствовало то важнейшее обстоятельство, что европейцы в военном, техническом и научном плане оказались впереди всех иных народов мира. Они также полагали себя наиболее культурными. Подобный прием сведения всемирной истории к истории некоторых народов Западной Европы получил в последующие века широкое распространение в исторической социологии.

сюэ, однако, во многом заново осмыслил идею провиденциализма⁷¹. Боссюэ создал также политологические концепции, согласно которым государственная власть – способ обеспечить выживание человечества, находящегося во власти дурных наклонностей (следствие первородного греха). Тем самым он отходит от дуализма Августина.

Таблица 3

ФИЛОСОФЫ И ИСТОРИКИ XVII в.

Автор	Даты	Страна	Название произведения
Гуго Гроций	(1583–1645)	Нидерланды	«О праве войны и мира»
Томас Гоббс	(1588–1679)	Англия	«Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского»
Джон Локк	(1632–1704)	Англия	«Два трактата об управлении государством»
Христофор Целлариус (Кристоф Келлер)	(1638–1707)	Германия	«Трехчастная история»
Жак Бенинь Боссюэ	(1627–1704)	Франция	«Рассуждения о всемирной истории»

Рекомендуемая литература

Барг, М. А. 1987. *Эпохи и идеи. Становление историзма*. Гл. 5, 6. М.: Мысль.

Биск, И. 1983. *История исторической мысли в новое время*. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та.

Илюшечкин, В. П. 1996. *Теория стадийного развития общества: История и проблемы*. Гл. 1. М.: Вост. лит-ра.

⁷¹ Отметим, однако, что идея божественного провиденциализма в XVII в. еще далеко не отжила свое, она достигла своего апогея, пожалуй, только в концепции Гегеля, после чего стала менее популярной, трансформировавшись в нерелигиозный провиденциализм.

Историография истории нового времени стран Европы и Америки / под ред. И. П. Дементьева. М.: Высшая школа, 1990. Раздел 1 (введение, гл. 1, 2).

Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / под ред. И. С. Галкина и др. М.: МГУ, 1977. Раздел 1.

История политических и правовых учений / под ред. О. Э. Лейста. Гл. 10. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.

Коллингвуд, Р. Дж. 1980. *Идея истории. Автобиография*. Ч. 2, § 5, 6. М.: Наука.

Косминский, Е. А. 1963. *Историография средних веков: V в. – середина XIX в.* М.: МГУ.

Рассел, Б. 1994. *История западной философии*. Т. II. Кн. 3. Ч. 1. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та.

Репина, Л. П., Зверева, В. В., Парамонова, М. Ю. 2004. *История исторического знания*. Гл. 5. М.: Дрофа.